

Рауфа Кариева

Бабушка

Сборник рассказов

18+

Рауфа Кариева

Бабушка

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кариева Р.

Бабушка / Р. Кариева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-98378-6

У многих людей воспоминания о прошлом связаны в первую очередь с бабушками, а только потом с родителями. Это огромное счастье - иметь бабушку . И, несмотря на грусть, что у взрослых людей бабушек уже давно нет рядом, хочется вновь и вновь вспоминать этого человека.

ISBN 978-5-532-98378-6

© Кариева Р., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Моя бабушка	5
Бабушкины дети	7
Любимая сноха бабушки	8
Бунт Фриды	10
Начало военных действий	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Рауфа Кариева

Бабушка

Моя бабушка

У меня была только одна бабушка – по материнской линии. Бабушка по отцовской линии умерла за год до моего рождения.

Бабушку Мавлюду я помню с очень раннего детства – вся моя жизнь связана с ней настолько, что никакое событие моей жизни анализировать, обдумывать, не вспомнив бабушкины комментарии, участие, оценки, советы, не представляется возможным.

Мавлюда умерла 27 лет назад. Но редкий день у меня бывает, чтобы я о ней не вспоминала. Даже бывали в моей жизни периоды, когда я думала о ней постоянно, так как очень и очень скучала.

Бабушка всегда понимала меня, никогда не осуждала, напрасно не жалела и зря не ругала. Я водила к ней всех своих подруг и кавалеров. И она давала им всем оценки: «Этот хороший парень, никогда тебя не обидит. Только не трать зря время – твой отец тебя за него не отдаст», или «Парень красивый, хороший, но никогда не будет верным мужем», или «Эта подружка твоя очень красивая, ты с ней дружи обязательно. Она такая красивая, что всегда будет привлекать внимание ребят, а заодно и на тебя кто-нибудь внимание обратит».

Бабушка так запросто, без истерики в голосе, сказала мне однажды – умру, заberi мою швейную машину себе, я тебе ее завещаю. А машина у нее была классная. Промышленная, немецкая, с электроприводом. Бабушка была профи-портным по пошиву национальной (для народа той страны, в которой мы жили – таджиков) одежды, в первую очередь верхней.

А я спросила у нее, кому же она завещает свои серьги – старинные, золотые, очень красивой формы. Классический верх с английским замком, александриты крупные и вокруг мелкие бриллианты, и подвеска – огромная литая золотая капля. Эта капля так изящно крепилась к верху серьги, что малейшее движение головы давало необыкновенно плавное покачивание этой капли. Роскошно, шикарно. Эти серьги достались самой бабушке по наследству – они переходили от матери к старшей дочери в их роду. Видимо, это была единственная роскошная вещь, в свое время не экспроприированная.

И бабушка сказала, что серьги – не мне! Они перейдут младшей снохе, жене бабушкиного младшего сына – Фриде. Она самая молодая, и живет с ней, и будет в старости за бабушкой ухаживать, и похоронит ее. Поэтому серьги перейдут ей. Я сочла, что бабушка права. Но серьги были настолько хороши, что я сказала бабушке: когда-нибудь закажу себе у ювелира – по памяти сделаю рисунок – точно такие же.

Примерно за год до своей смерти бабушка перестала говорить по-русски (кроме русского, она знала арабский, татарский и узбекский языки, но перед смертью стала говорить только на узбекском, да еще на таком диалекте, что не все татары, да и узбеки, ее понимали), и общаться с ней я больше не могла. Переписываться с ней тоже было невозможно – бабушка умела писать только по-арабски: ее единственным образованием было женское медресе в Челябинске. Она его закончила еще в детстве.

Бабушке становилось все хуже и хуже – прогрессировала старая болезнь печени. От нее она и погибла. За 9 месяцев до смерти бабушки я перестала ее навещать. Я очень скучала, переживала, но в ее дом не ходила, потому что не могла, да и не хотела. Я очень терзалась, так как по бабушке очень и очень скучала – этого человека я любила больше всех других людей на всем белом свете.

Шел 1986 год. Последний год жизни и обстоятельства смерти моей бабушки – это боль моей души.

Бабушкины дети

У моей бабушки Мавлюды было трое детей. Старшие дети, рожденные до войны – это старший сын Ишбулат и дочь – моя мама – Мирра. К моменту последней болезни Мавлюды эти дети были взрослыми, надежно семейными, социально состоявшимися, успешными людьми – у бабушки уже были от них взрослые внуки и правнуки.

Но третий ребенок бабушки был ее печалью. Он родился, когда дед (муж бабушки) вернулся с войны – ВОВ. В 1948 году в стране была эпидемия полиомиелита, и 8-месячный Яхья тоже заболел.

Моя мама рассказывала мне, что помнит ту ночь, когда Яхья заболел. Он настолько душевраздирающе кричал, что всем окружающим невозможно было даже дышать – воздух превратился в тягучую массу от свалившегося на семью горя. Инфекция ломала детский организм, и к утру у ребенка половину тела – правую – парализовало.

Яхья на всю жизнь остался инвалидом. Сначала он был совершенно неподвижен, но долгие годы лечения, массажей – дали возможность примерно к 7–8 годам встать и начать ходить. Но как ходить – с огромным трудом волоча ногу. Рука – правая – не работала. Правая половина лица не слушалась, глаз не видел и ухо не слышало. Лечение продолжалось всю жизнь. До 20–25 летнего возраста разрабатывали мышцы, потом принимали поддерживающие общее здоровье меры.

Забегая далеко вперед – скажу: Яхья умер в 2012 году. Несмотря на тяжелую инвалидность, он прожил полноценную жизнь. Всю жизнь работал главным бухгалтером на огромном предприятии, вырастил двоих детей, дал им образование, выдал дочь замуж и дождался внука.

Но в те далекие годы третий – несчастный, больной ребенок – для бабушки был особенно дорогим. Его было до боли в сердце жалко.

В 1977–1978 годы, когда Яхья стал уже 30-летним мужчиной, у бабушки начались новые душевные муки – его одиночество. Ну, кто пойдет замуж за такого калеку? Бабушка ни о чем более не могла говорить – только о поиске жены для своего несчастного сына.

Во всех своих жизненных неурядицах бабушка обвиняла своего мужа Ибрагима, даже спустя много лет после его смерти. Все ее воспоминания о прошлом заканчивались фразой: «это все он виноват... (далее называлась фамилия деда)». Особенно дед был виноват в том, что несчастен младший сын-калека, а через это несчастлива и сама бабушка. Вспоминая коронный вывод бабушки, подчеркивающий особую «вину» деда, я улыбаюсь до сих пор. Она сказала мне однажды: «Яхью женить не можем, никто за него не идет. А это все он виноват, дед ваш. Сам сдох, а я тут мучайся». Слово «сдох» бабушка произнесла таким тоном, будто бы 12 лет со дня смерти деда (на тот момент), дед на самом деле был не мертв, а отдыхал в каком-нибудь шикарном санатории.

Любимая сноха бабушки

Не сразу, с большим трудом, но невеста для Яхьи нашлась. Это моя мама, устав от бесконечных поисков, смотрин – все было напрасно – поступила домостроевским способом. Она с Яхьей поехала в деревню их отца на Волгу. Родни там было много. У моего деда Ибрагима, то есть их отца, было только родных сестер – пять. И у каждой было по 6 – 7 детей. Так что двоюродных братьей и сестер было столько – что не поддавалось счету.

Конечно, только сам дед Ибрагим, пока был жив, переписывался со своей родней. А теперь получалось, что моя мама с младшим братом поехали в деревню к людям, которых фактически не знали. Но мамин замысел был решительным. Она устала от причитаний бабушки, что бедолага Яхья останется одиноким. Конечно, ей тоже было жалко брата – как же жить без жены и детей на белом свете?

Когда моя решительно настроенная мама с братом приехали в ту деревню, была проделана следующая «работа». Мама собрала всех своих двоюродных сестер в доме старшей из них, и произнесла пламенную речь – изложила в открытую, без обиняков, суть проблемы. Вот Яхья. Ему 37 лет. Да, он не красив, он инвалид. Вот он – никто не скрывает его недостатков. Но, в то же время, это образованный и материально крепкий человек, у него солидная должность и хорошая зарплата. У него есть хороший дом в красивом городе. Ему нужна жена. Если какая-то девушка решится на замужество с не очень молодым, некрасивым и хромым человеком, то она должна знать, что она приедет в его дом как законная жена, хозяйка дома, со всеми правами. И жить будет в городе, где все улицы асфальтированные. Красиво одеваться и носить туфельки. Она получит образование и, если захочет, сможет работать по специальности.

Российская глубинка. Глухая деревня на Волге. Суровый климат. Стаи мух, абсолютное бездорожье. Тяжелый крестьянский труд. Ребята отсюда уходили в армию, или уезжали в город учиться, и старались не вернуться. Девушкам не хватало женихов. Те, кому удавалось выйти замуж, страдали от пьянства мужей. Почти все замужние женщины ходили битыми – традицией этой местности было проявление в семейных отношениях мужской тирании. Считалось, что мужчину – главу семьи – вся семья должна бояться. Поэтому всех нужно было постоянно бить. Для порядка.

Мамина пламенная речь и катастрофическая нехватка женихов в этой деревне привели к тому, что на смотрины – как на самый настоящий кастинг невест – выстроились в очередь толпы девушек.

Мама и Яхья растерялись. Они не знали, как теперь быть. Как выбрать? Кого выбрать? Чтобы часть претенденток отсеялась, мама провела Яхью несколько раз по деревне – чтобы все посмотрели, как он тяжело хромает. Не помогло.

Несколько туров отбора провели двоюродные мамы сестры. Они знали народ – им было легче. На последний тур оставили 10 девушек. Решили последнее слово предоставить Яхье. Все же ему жениться – девушка должна ему приглянуться. Сделали так. Посадили Яхью за занавеской, в которой проделали дырочку. В комнату по очереди входила девушка. А Яхья в дырочку смотрел и думал, какую он возьмет в жены. После просмотра 10 участниц финала он должен был сам сказать, какую он выбрал.

И он выбрал. Фриду. По-русски говорить она не умела. Ей перевели, что она – победительница конкурса.

На следующий день утром в сельсовете молодых расписали.

Когда я впервые увидела жену Яхьи, то на какое-то мгновение потеряла дар речи. А потом шепнула Яхье: « Ну, ты и нахал. Сам немолодой, хромой, косой, с огромным орлиным носом

(нос у него был по форме – копия дедушкин, но почему-то раз в 6 крупнее) – а в жены выбрал самую молодую и красивую девушку».

Девушка действительно была очень юная, и прекрасна, как весенний цветок. В родной город Яхья приехал уже женатым человеком.

Счастью бабушки не было границ.

Сыграли свадьбу.

Яхья ни в чем не отказывал своей жене. Платьев у нее теперь было, как у известной кинозвезды. Она быстро выучила русский язык, освоилась, закончила курсы какие-то, и устроилась на работу. А потом она родила подряд двоих прелестных малышей, красивых и здоровых. Старшую девочку Флюру бабушка даже успела помянуть – еще была относительно здорова.

Но с рождением второго малыша в этой семье начался новый этап жизни. Бабушка уже почти перестала ходить – у нее были проблемы с ногами. К тому же у нее прогрессировала болезнь печени, и вообще наступала по всем фронтам «злодейка-старость». Наступил также 1985 год.

Бунт Фриды

За несколько лет замужества Фрида расцвела, и в совершенстве выучила русский язык. Ход ее мыслей стал ясен всем – она регулярно оповещала о нем родственников своего мужа. Вызвав теперь, когда бабушка совсем слегла, на серьезный разговор старших брата и сестру Яхьи, она поведала им следующее:

«Бабушка уже почти не ходит, и она очень больна. Ей нужен особый уход и внимание. К тому же вы знаете – характер у нее очень тяжелый, угодить ей практически невозможно.

У меня двое маленьких детей ясельного возраста. И муж – инвалид, который по дому помогать практически не может. Он даже ребенка на руках подержать толком не может – у него одна рука.

Дом огромный. Он требует ухода, уборки и непрерывных ремонтных работ. В доме уже сделали паровое отопление и провели воду в кухню, тем не менее, основные удобства во дворе. Чтобы постирать, надо топить баню. И топить ее – дровами. А стирки у меня с двумя малышами и больной бабушкой – нескончаемый процесс. Огромный двор и участок также требуют уборки.

Бабушка является очень общительным человеком, и к ней постоянно ходят люди – подружки, соседи. Это происходит днем, когда мы с мужем на работе, а дети в детском саду. Ворота всегда нараспашку. В дом входят за день много людей, и потому на крыльце и в прихожей постоянная грязь – не все ведь разуваятся. И потому я, после рабочего дня, вынуждена еще ежедневно мыть полы.

К тому же мы должны постоянно думать о том, что в таком незакрываемом доме нельзя оставить ценные вещи, деньги.

У бабушки ночные приступы, она кричит и зовет меня – иной раз всю ночь напролет. А мне после напряженного рабочего дня, вечера, с двумя малышами, еще ведь надо выспаться – завтра на работу.

Получается, что огромную тяжесть ухода за больной старухой вы, старшие ее дети, возложили на самого младшего, больного брата, и его жену, с двумя младенцами.

Вы взрослые и небедные люди, ваши дети давно выросли, у вас комфортные квартиры со всеми удобствами, а старшая сноха к тому же – врач. Так вот и забирайте свою мать себе, и ухаживайте за больной и старой женщиной сами».

Мирра и Ишбулат – старшие дети моей бабушки – сочли аргументы Фриды весомыми. И пришли к выводу, что бабушку надо забрать. Решено было поселить ее у старшего сына, так как его жена врач, а бабушка нуждается в медицинской помощи.

В доме Ишбулата бабушке выделили комнату. Ее удалось уговорить поехать туда, и пожить там – под видом лечения руки – как раз в это время бабушка упала с кровати и сломала руку.

Бабушка терпеливо жила у старшего сына – пока лечили руку. Но как только гипс был снят, начались проблемы.

Дочка Ишбулата, моя двоюродная сестра, по телефону рассказала мне, что происходило дальше. Бабушка устроила сидячую забастовку и сухую голодовку. Также она непрерывно и методично, часами напролет, стучала костылем по металлическим частям кровати. Политическим лозунгом такого масштабного протеста было следующее:

«Мой муж в свое время построил для меня дом. Я прожила в нем полвека. Это мой дом. Я не нищенка и не бездомная, чтобы жить в приживалках и иждивенках у снохи. Я хочу жить в собственном доме и умирать на своей родной постели».

Мирра, дочь бабушки и моя мама, забрала бабушку к себе.

Я очень обрадовалась. Сказала бабушке – вот моя комната, будешь тут жить. Я буду за тобой ухаживать. Очень скоро я уже получу свою квартиру – кооператив, я уже работаю на стройке по отделке, и мы переедем туда. Будешь там хозяйкой.

Но бабушка сказала мне, что не желает жить в доме зятя (мужа дочери), потому что: «Мой муж в свое время построил для меня дом. Я прожила в нем полвека. Это мой дом. Я не нищенка и не бездомная, чтобы жить в приживалках и иждивенках у зятя. Я хочу жить в собственном доме и умирать на своей родной постели».

Но все настаивали, чтобы бабушка осталась жить в доме дочери. Мы с мамой объясняли бабушке, что младшая сноха с двумя малышами не может обеспечить уход за бабушкой, а старшие дети не могут переселиться в том дом, чтобы ухаживать за мамой – у них есть свои семьи и ответственная работа (дядя был, к примеру, директором огромного промышленного предприятия).

На бабушку наши слова не производили никакого впечатления. Она продолжала твердить следующие слова: «Мой муж в свое время построил для меня дом. Я прожила в нем полвека. Это мой дом. Я не нищенка и не бездомная, чтобы жить в приживалках и иждивенках у кого бы то ни было. Я хочу жить в собственном доме и умирать на своей родной постели».

В один день я вошла в свою комнату и обнаружила, что бабушка исчезла. Она ведь уже не ходила – ноги не слушались. А тут вдруг ушла. Оказывается она, держась за стул и по сантиметру передвигая его вперед, сумела выйти из дома, проползти через весь двор к дороге. Когда я выскочила на улицу – бабушка была уже на обочине дороги. Вместе со стулом.

Я подбежала к бабушке. Она строго посмотрела на меня и приказала: «Отвези меня домой».

«Батько-атаман» сказал «домой» – значит «домой». Я остановила машину и отвезла бабушку домой – в ее родной дом, который в свое время построил для нее ее муж.

Начало военных действий

Дом своей бабушки Мавлюды я считала и своим домом. Я там выросла. Поэтому считала возможным приходить в этот дом, когда мне заблагорассудится. И вела себя в этом доме как в своем – свободно ходила по нему, не о чем никого не спрашивала – можно войти или нельзя и т.п.

Оказывается, это страшно раздражало новую хозяйку этого дома – Фриду. И потому я стала одним из громоотводов ее раздражения по поводу возвращения бабушки домой. Фрида так и сказала моей маме – пусть ваша «стервозная Ляля» (то есть я) сюда вообще не приходит – ведет себя как хозяйка, приходит, когда хочет, в том числе в мое отсутствие, водит к бабушке своих друзей и гостей. Нашей бабушке, – продолжала скандалить Фрида – и так гостей хватает – не закрываются двери днями напролет. Подружки, соседи ходили к бабушке постоянно – днем они кормили и мыли бабушку. Да и просто сиживали там по очереди целыми партиями – развлекали бабушку, отвлекали ее от болей и недомоганий. Бабушка поощряла многочасовые посиделки, сопровождающиеся и курением табака, и употреблением "насвоя" (легкий полу-наркотик/полутабак, любимый жителями Средней Азии, его кладут под язык), и распитием вина – теми, кто любил этот напиток. Чтобы бабушка и ее гости не пили что попало, Ишбулат постоянно привозил много высококачественного красного вина Кагор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.